

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

По языку отечественному результаты, которыхъ достигалъ дворянскій институтъ, были чуть-ли не болѣе еще удовлетворительными: мы выходили изъ института вполне грамотными въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е., умѣющими письменно излагать свои мысли въ надлежащей связи, послѣдовательно и языкомъ правильнымъ, обработаннымъ, съ соблюденіемъ правописанія и всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія, и, сверхъ того, съ большимъ интересомъ и любовью къ русской литературѣ, къ чтенію и перечитыванью ея произведеній и большою въ нихъ начитанностью: всѣ лучшія произведенія русской литературы, по крайней мѣрѣ, со времени Карамзина и Крылова, были читаны нами (и не разъ—тѣ изъ нихъ, которыя намъ нравились), такъ что мы помнили многія мѣста въ нихъ наизусть, любили приводить ихъ въ разговорѣ между собою, экзаменовали другъ друга, откуда взято то или другое изреченіе,—словомъ, по отечественному языку мы, несомнѣнно, выходили изъ института литературно-образованными молодыми людьми или юношами. Въ числѣ причинъ такихъ нашихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ и литературѣ мой дорогой, однимъ лишь классомъ младшій товарищъ по институту, Григорій Петровичъ Данилевскій выставляетъ на первомъ планѣ то, что насъ не забивали сверхъ мѣры обязательнымъ изученіемъ обоихъ древнихъ языковъ, а требовали изученія одного изъ нихъ—латинскаго, предоставляя намъ добровольно учиться или не учиться другому—греческому, и полагаютъ, что обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1915 г.

идеть будто бы въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, и уже на второмъ и третьемъ планѣ онъ ставитъ то, что мы имѣли отличныхъ учителей какъ по русскому языку, такъ и по всѣмъ (будто бы) другимъ предметамъ и что надъ Московскимъ дворянскимъ институтомъ „незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы“. По моимъ воспоминаніямъ и съ моей точки зрѣнія, необходимость греческаго языка была однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ нашего института, а обязательность его несомнѣнно возвысила бы вообще основательность нашего образованія. Что изученіе греческаго языка даже и въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ мы изучали его, не клонилось и не можетъ клониться въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, можно видѣть изъ примѣра всѣхъ тѣхъ изъ насъ и нашихъ предшественниковъ, которые учились греческому языку и тѣмъ не менѣе отлично преуспѣли и въ русскомъ языкѣ, и въ родной литературѣ, исторіи и географіи: сошлюсь хотя бы на записанныхъ на золотой доскѣ института и упоминаемыхъ Г. П. Данилевскимъ П. М. Леонтьева и С. П. Шевырева.

Первая и важнѣйшая причина нашихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ и родной литературѣ была та, что надъ институтомъ, по словамъ Данилевскаго, незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы и на немъ были начертаны имена многихъ славныхъ ея дѣятелей, начиная съ Хераскова, каковы: Карамзинъ, князь Шаховской, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Ѡ. И. Тютчевъ, отчасти М. Ю. Лермонтовъ и мног. друг. Благодаря такимъ бывшимъ питомцамъ института, въ немъ образовались преданія, не допускавшія равнодушія къ родному языку и словесности. Незнаніемъ того или другого изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы товарищи стыдили другъ друга, и бывало пользуешься первымъ отпускомъ домой, чтобы какъ-нибудь достать это произведеніе, прочитать его и затѣмъ разсуждать о немъ съ тѣмъ, отъ кого впервые о немъ услышалъ. Въ самомъ институтѣ такое чтеніе не дозволялось, и объ ученической библіотекѣ я что-то ничего не помню, а помню шкафы въ классныхъ помѣщеніяхъ только съ учебными книгами и всякаго рода справочными изданіями, въ томъ числѣ и великолѣпнымъ *Lexicon totius latinatis Forcellini* въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ который мы очень любили заглядывать, охотно прочитывая въ немъ всякаго рода извлеченія изъ латинскихъ писателей различныхъ вѣковъ и родовъ литературы.

Изъ учителей русскаго языка и словесности Г. П. Данилевскій хвалить особенно П. М. Перевлѣсскаго, у котораго и я учился въ послѣднихъ двухъ классахъ, и совсѣмъ не упоминаетъ объ Архидіаконскомъ, которому я считаю себя наиболѣе обязаннымъ своею грамотностью. Уже со II класса, сколько я помню, онъ не переставалъ задавать намъ посильныя письменныя работы—въ одну недѣлю изложеніе какой-нибудь прочитанной басни, сказки или статьи, то, что мы называли сочиненіемъ, а въ другую недѣлю переводъ, обыкновенно съ латинскаго, того, что было прочитано нами на урокахъ у Месса или Фабриціуса, и такъ изъ года въ годъ чрезъ всѣ классы, въ которыхъ онъ училъ, чего придерживался и П. М. Перевлѣсскій, но далеко не съ такою аккуратностью. При этомъ Архидіаконскій въ короткихъ словахъ характеризовалъ каждую изъ нашихъ работъ, подробно разясняя всѣ наши ошибки, особенно тѣ, которыя встрѣчались у большей части учениковъ, и заставляя насъ самихъ исправлять эти ошибки. Уроковъ на русскій языкъ полагалось не очень много: по 3 въ I и II классахъ, а также и въ VI, и по 2 въ III и въ IV и только въ V—4 урока, но тутъ проходила и логика. И тѣмъ не менѣе Архидіаконскій находилъ время цѣлые уроки посвящать чтенію намъ лучшихъ произведеній Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя: онъ былъ большой мастеръ читать, и его нельзя было слушать безъ особаго увлеченія. За однимъ такимъ чтеніемъ „Шинели“ Гоголя засталъ его нашъ попечитель гр. С. Г. Строгоновъ и заявилъ ему во всеуслышаніе: „Удивляюсь, что вы позволяете себѣ читать вашимъ ученикамъ сочиненія писателя, послѣднее произведеніе котораго „Мертвыя Души“ я только-что счелъ за должное запретить“. Это было въ IV классѣ незадолго до лѣтней вакаціи. Болѣе мы уже не видали Архидіаконскаго: самъ ли онъ уволился послѣ сдѣланнаго ему при ученикахъ замѣчанія или былъ уволенъ графомъ Строгоновымъ, это осталось для насъ тайною. Но мы очень жалѣли о его увольненіи, хотя онъ и былъ строгій учитель, и надъ многими его странностями мы позволяли себѣ подсмѣиваться. Такъ, между прочимъ, сморкаясь, онъ бралъ почему-то одинъ конецъ платка въ ротъ. Ворочать шею онъ не могъ и долженъ былъ всею своею фигурой ворочаться въ ту или другую сторону. Когда бывало кто-нибудь изъ насъ напроказить, онъ обращался къ нему съ словами: „Ступай вонъ изъ класса“, а къ старшему изъ учениковъ: „Толкай его въ шею“, и если тотъ дѣйствительно начиналъ толкать своего

товарища въ шею, то и ему говорилось то же: „Ступай вонъ изъ класса“; впрочемъ, стоило только извиниться и сказать, что впередъ не буду, и Архидіаконскій сейчасъ же прощалъ виновнаго. Уроки его изъ грамматики были драгоцѣнны краткостью и ясностью изложенія, но особенно драгоцѣнно было то, что онъ заставлялъ насъ еженедѣльно писать или сочиненіе, или переводъ, тщательно ихъ исправляя: единственный способъ приучить учениковъ къ связному, послѣдовательному и во всѣхъ отношеніяхъ правильному изложенію своихъ мыслей на письмѣ.

П. М. Перевлѣссскій былъ далеко не такой серьезный и отчетливый учитель, любилъ побалагурить, очень плоховато справлялся въ V классѣ съ логикой, которою мы очень затруднялись, не столь много и часто упражнялъ насъ въ сочиненіяхъ и переводахъ, а въ исторіи русской литературы не пошелъ далѣе XIII в., при чемъ выдавалъ свои записки, которыя не легко было разбирать и которыя тщательно переписывалъ Усовъ, у котораго потомъ списывали и другіе.

Математика также шла у насъ хорошо, благодаря учителямъ Соханскому и особенно Оглоблину. Нѣкоторые изъ насъ преимущественно занимались математикой, до нѣкоторой степени даже враждебно относясь къ латинскому и вообще къ древнимъ языкамъ, такъ что въ старшихъ двухъ классахъ мы распадались на двѣ партіи—математиковъ и словесниковъ или вѣрнѣе латинистовъ, и между этими двумя партіями шла нескончаемая словесная борьба. Что касается до меня, то я равно успѣвалъ и въ древнихъ языкахъ, и въ математикѣ, и очень любилъ рѣшать трудныя алгебраическія задачи, а также и самостоятельно по учебнику геометріи Перевощикова, отличающемуся большою краткостью, разучивать еще не пройденныя съ учителемъ теоремы: это было дѣло не легкое, но, по видимому, трудность эта и привлекала меня. Но всѣ симпатіи мои были на сторонѣ словесныхъ наукъ и древнихъ языковъ, и я принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ классныхъ преніяхъ по вопросу о гуманизмѣ и реализмѣ, ратуя изъ всей мочи за гуманизмъ.

Изъ прочихъ предметовъ можно было съ большимъ удовольствіемъ и даже съ увлеченіемъ слушать рассказы нашего учителя исторіи Николая Васильевича Смирнова и вынести изъ нихъ только одно прочное знаніе, а именно, что прейнтесный предметъ исторія и что хорошо было бы когда-нибудь имъ заняться, имѣя достаточно для того и времени, и книгъ.

Это были собственно не уроки исторіи, а лекціи по исторіи, записывать которыя въ бытность нашу въ III классѣ мы вовсе не могли, въ IV — пытались, но плохо въ этомъ успѣвали, и нельзя сказать, чтобы дѣло шло много успѣшнѣе въ V и въ VI классахъ, такъ какъ лекціи эти читались слишкомъ скоро и при томъ въ продолженіе почти всего 1½ часового урока, безъ всякаго перерыва, безъ обращенія къ намъ съ какими-либо вопросами или съ предложеніемъ пересказать рассказанное: спросить, бывало, Смирновъ одного или много двоихъ учениковъ о содержаніи прошлаго урока, отвѣтятъ ему только то, что нашли о данныхъ событіяхъ въ учебникахъ Кайданова или Устрялова, и онъ вновь начнетъ рассказывать все далѣе и далѣе. Мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но въ памяти и въ головѣ изъ всего прослушаннаго оставалось очень мало или почти ничего, и къ урокамъ, а потомъ и къ экзаменамъ, мы готовились по учебникамъ Кайданова и Устрялова, въ которыхъ многое требовало бы для насъ разъясненій и съ которыми вовсе не сходились лекціи Н. В. Смирнова. Особенно стали мы затрудняться, когда въ послѣднемъ классѣ новая всеобщая исторія Кайданова была замѣнена громаднымъ, съ крайне запутаннымъ и сбивчивымъ изложеніемъ, учебникомъ Смарагдова. Охоту къ слушанію и къ чтенію историческихъ рассказовъ можно было вынести изъ уроковъ Н. В. Смирнова; но едва-ли кто изъ насъ составилъ себѣ какое-либо ясное и отчетливое представленіе о ходѣ какъ всеобщей, такъ и отечественной исторіи, или усвоилъ себѣ главнѣйшія хронологическія данныя и представленіе о характерѣ различныхъ эпохъ и историческихъ дѣятелей. Познанія наши въ исторіи были весьма скудны и ненадежны и едва-ли достаточны для того, чтобы ориентироваться при встрѣчѣ въ книгахъ какихъ-либо историческихъ именъ или при упоминаніи какихъ-либо историческихъ событій.

По географіи познанія наши были еще неудовлетворительнѣе, хотя мы имѣли отличнаго учителя Ѳедота Яковлевича Соколова, но онъ училъ насъ только въ I классѣ и потомъ въ V и VI, а со II и по IV географія преподавалась намъ по-французски или по-нѣмецки, недостаточно свѣдущими учителями; въ V же и VI классахъ Ѳ. Я. Соколовъ диктовалъ намъ свой учебникъ, который вслѣдъ за тѣмъ появился въ печатномъ видѣ и принадлежалъ несомнѣнно къ наилучшимъ нашимъ учебникамъ по этому предмету. Времени на эту диктовку уходило очень много, а познаній за это время приобрѣ-

талось очень мало. Соколовъ, правда, довольно много упражнялъ насъ въ черченіи географическихъ картъ, но безъ географическихъ сѣтокъ, безъ чего о точномъ и отчетливомъ нанесеніи на географическую карту всѣхъ географическихъ данныхъ едва-ли можетъ быть рѣчь.

Я вообще плохо успѣвалъ въ графическихъ искусствахъ, въ рисованьи далѣе носовъ не пошелъ, и географическія карты также чертилъ очень плохо и очень не любилъ уроковъ, посвященныхъ этому упражненію. Собственно, твердо мы знали только курсъ I класса—краткое топографическое обозрѣніе всего земного шара, повторенный еще 2 раза въ послѣдующихъ классахъ по-французски и по-нѣмецки, и это былъ почти весь запасъ нашихъ знаній по этой части.

Математическую географію мы должны были пройти въ VI кл., но какъ учитель А. И. Мохтинъ, повидимому, и самъ ее зналъ не совсѣмъ хорошо и прошелъ съ нами только ученіе о перемѣнахъ времени года и дня и ночи въ помощь географіи, и назначенный на нее урокъ употреблялъ на физику, которую онъ тоже преподавалъ плоховато по огромному учебнику Ленца, лишь изрѣдка приводя насъ въ физическій кабинетъ, гдѣ впрочемъ рѣдко когда удавались ему опыты. Впрочемъ, необходимѣйшія для житейскаго обихода свѣдѣнія изъ физики были нами усвоены; охотники же до физико-математическихъ наукъ сами штудировали учебникъ Ленца и разъясняли намъ то, что недостаточно было разъяснено Мохтинымъ.

Къ нашему законоучителю Ивану Николаевичу Рождественскому, бывшему потомъ настоятелемъ церкви Черниговскихъ Чудотворцевъ за Москвой рѣкой, митрофорнымъ протоіереемъ и учредителемъ общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, мы питали глубокое уваженіе и любовь; но были болѣе ему обязаны, какъ настоятелю церкви и духовнику, чѣмъ какъ законоучителю. Въ прохожденіи закона Божія тогда преобладало болѣе всего ученіе наизусть учебниковъ каждаго порознь, безъ приведенія ихъ въ какую-либо связь между собою. Ученіе о богослуженіи православной церкви вовсе не входило въ курсъ нашего ученія. Церковная исторія проходила по краткому, сухому и очень трудному учебнику Богданова и едва-ли была нами вся пройдена. Къ чтенію слова Божія мы вовсе не приучались, и книгъ св. писанія, даже только Новаго Завѣта, мы не получали. На урокахъ закона Божія мы очень любили предлагать нашему батюшкѣ различные трудные вопросы и излагать ему наши сомнѣнія, которыми едва-ли кто изъ насъ серьезно

смущался; это вызывало батюшку на очень серьезные и продолжительные разьяненія, которыя оставляли мало времени для спрашиванія у насъ заданнаго урока, а это-то и было намъ нужно. Батюшка не замедлилъ разгадать это и предложилъ такимъ совопросникамъ обращаться къ нему наединѣ послѣ урока съ тѣмъ, что онъ разьяснитъ имъ ихъ сомнѣнія во время той или другой рекреациі: послѣ этого, кажется, все исчезли сомнѣвающіеся въ тѣхъ или другихъ религіозныхъ истинахъ. Служилъ батюшка въ церкви превосходно и былъ также хорошимъ проповѣдникомъ; съ большимъ усердіемъ и сердечностью приготавливалъ онъ насъ къ исповѣди и св. причастію. Вообще у всѣхъ у насъ осталось благоговѣйное о немъ воспоминаніе, при сознаніи однако же, что религіозное наше образованіе было очень поверхностно и недостаточно сравнительно съ литературнымъ нашимъ образованіемъ, особенно же по отечественной литературѣ, въ которой мы отличались большою начитанностью, тогда какъ св. писанія мы вовсе не читали, ни даже самихъ евангелій.

Религіозное образованіе и особенно религіозное настроеніе до нѣкоторой степени восполнялось у нѣкоторыхъ изъ насъ участіемъ въ церковномъ хорѣ. Мы всѣ трое братьевъ были въ пѣвчихъ во все продолженіе нашего ученія въ институтѣ: братья мои обладали и отличвымъ голосомъ, и слухомъ, и особенными музыкальными способностями, такъ что нерѣдко замѣняли одинъ за другимъ самого нашего учителя Александра Осиповича Чернова въ дирижированіи хоромъ на спѣвкахъ и въ самой церкви, я же отличался тонкимъ слухомъ и вѣрнымъ, но не очень хорошимъ голосомъ. На церковное пѣніе было обращено у насъ большое вниманіе, и церковный нашъ хоръ былъ доведенъ до значительной степени совершенства: уроки шли два раза въ недѣлю въ вечернюю рекреацию по цѣлому часу, не считая спѣвокъ предъ каждою всеючною и каждою обѣдней. Нотное пѣніе было въ большомъ ходу, и мы сами очень его любили. Исполняли мы очень трудные концерты, и кажется очень хорошо, и разучивали ихъ въ большомъ числѣ. Нѣкоторый недостатокъ въ басахъ восполнялся участіемъ или бывшихъ воспитанниковъ института, или же знакомыхъ нашего учителя пѣнія, въ числѣ коихъ особенно помню доктора Дмитревскаго, обладавшаго удивительно густымъ и низкимъ басомъ (октавой, какъ говорится у пѣвчихъ). Церковь нашу очень охотно посѣщали благодаря отличной службѣ отца Іоанна и нашему хорошему пѣнію какъ родные учениковъ, такъ и

постороннія семьи, съ разрѣшенія директора или же настоятеля церкви.

Въ качествѣ пѣвчихъ мы въ точности ознакомлялись съ составомъ церковныхъ службъ такъ же, какъ и съ отдѣльными церковными пѣснопѣніями; и это было важнымъ и дорогимъ приобрѣтеніемъ на всю жизнь. Какъ я уже упоминалъ, мы втроемъ при участіи отца какъ-то разъ пропѣли въ своемъ приходѣ всю заутреню, обѣдню и молебенъ на Рождество Христово и раза два—три, по приглашенію знакомаго церковнаго старосты, отца моего товарища Георгія Дмитріевича Филимонова, пѣли обѣдню въ церкви Богоявленія въ Елоховѣ. Наиболѣе пригодилось въ жизни знаніе церковныхъ службъ и умѣнье устраивать и управлять церковнымъ хоромъ брату моему Дмитрію, который впоследствии, женившись на Софіи Владиміровнѣ Апухтиной и живя нѣсколько лѣтъ въ ея имѣніи въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи на Гайчулѣ, а потомъ въ бытность свою агентомъ русскаго общества пароходства и торговли въ Никополѣ, и наконецъ мировымъ посредникомъ въ Винницкомъ уѣздѣ Подольской губерніи близъ Тульчина, вездѣ устраивалъ церковные хоры изъ учениковъ и взрослыхъ, обучалъ ихъ пѣнію и управлялъ ими въ церкви, при чемъ на Гайчулѣ только благодаря его знанію церковной службы молодой священникъ научился какъ слѣдуетъ совершать всенощное бдѣніе и пересталъ спорить и прекословить съ своимъ болѣе свѣдущимъ причетникомъ о порядкѣ и послѣдовательности этого богослуженія (ок. 1854 г.).

Такъ или иначе, но всѣ мы обязаны Московскому дворянскому институту вѣчною благодарностью: онъ далъ намъ безконечно многое и—что, быть можетъ, всего важнѣе,—привычку къ напряженному умственному труду, потребность въ таковомъ трудѣ и обширную любознательность, снабдивъ насъ всѣми средствами для удовлетворенія этихъ потребностей и для плодотворности этого труда. Средства эти заключались въ достаточномъ знаніи и древнихъ, и новыхъ иностранныхъ языковъ и математики и въ полной грамотности на своемъ отечественномъ языкѣ, при значительной начитанности въ лучшихъ произведеніяхъ русской литературы. Съ такими навыками, потребностями и средствами можно было смѣло идти на поприще высшаго научнаго образованія, вдохновляясь примѣромъ такихъ предшественниковъ нашихъ по институту и университетскому благородному пансіону, какъ Карамзинъ, Жуковскій, кн. Шаховской, Грибоѣдовъ, А. Ѳ. Воейковъ, Д. Д. Дашковъ, П. В.

Свиньинъ, С. П. Жихаревъ, А. С. Норовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, С. П. Шевыревъ, Ѳ. И. Тютчевъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Вельтманъ, П. М. Леонтьевъ, А. А. Майковъ, А. П. Ермоловъ, графъ Д. А. Милютинъ, Н. А. Милютинъ, В. П. Титовъ, В. А. Татариновъ, А. Е. Тимашевъ, баронъ А. П. Моренгеймъ, имена которыхъ постоянно красовались предъ нашими глазами на золотыхъ доскахъ въ большомъ рекреационномъ залѣ института, вызывая нерѣдко разъясненія со стороны нашихъ учителей, а также старшихъ товарищей о томъ, чѣмъ эти лица ознаменовались въ послѣдующей своей дѣятельности. Впрочемъ, въ пору моего ученія въ институтѣ успѣли достигнуть большой славы лишь немногіе изъ вышеназванныхъ дѣятелей, и наиболее намъ были извѣстны Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, герой 12-го года и Кавказской войны А. П. Ермоловъ. Изъ моихъ сверстниковъ наибольшей извѣстности достигли Д. Н. Батюшковъ, Е. А. Кожуховъ, С. С. Усовъ, Г. П. Данилевскій, В. И. Родиславскій, С. А. Юрьевъ, Г. Д. Филимоновъ. Всѣхъ насъ окончившихъ курсъ въ началѣ іюня 1845 г. было чело- вѣкъ 20.

III.

Въ Московскомъ университетѣ.

(1845—1850 г.).

Затрудненія при поступленіи въ университетъ. — Занятія на каникулахъ. — Мое матеріальное положеніе. — Первые впечатлѣнія въ университетѣ. — Т. Н. Грановскій. — С. П. Шевыревъ. — М. Н. Катковъ. — С. М. Соловьевъ. — О. М. Бодянский. — А. П. Ефремовъ. — А. И. Меньшиковъ. — С. Д. Шестаковъ. — Клинь. — Новые языки въ университетѣ. — Кондитерская Педотти. — Лекціи богословія. — Частные уроки. — Смерть бабушки. — Смерть отца. — Серьезная моя болѣзнь.

Когда въ началѣ іюня 1845 г. я окончилъ полный курсъ ученія въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, мнѣ не было еще полныхъ 15-ти лѣтъ: не доставало до этого почти двухъ мѣсяцевъ. Въ уставѣ 1835 г. возрастъ для приѣма въ студенты университета не былъ установленъ, но правилами испытанія для желающихъ поступить въ университеты, утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія 29-го января 1837 г., требовалось для этого не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, и допускалось отступленіе отъ этого правила лишь въ томъ случаѣ, когда до 16-тилѣтняго возраста не доставало не болѣе трехъ мѣсяцевъ, подъ условіемъ притомъ необыкновенныхъ способностей

желающаго поступить въ университетъ, съ особаго разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по представленію ректора университета. Я окончилъ курсъ института однимъ изъ первыхъ учениковъ, и потому о моихъ способностяхъ могло быть дано наилучшее свидѣтельство; но возрастъ былъ слишкомъ не подходящій, и ходатайство о приѣмѣ моемъ въ университетъ должно было идти къ самому министру народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе не заставило себя долго ожидать, и я къ великой моей радости могъ вскорѣ облечься въ форму студента и не безъ гордости показывался въ этомъ видѣ и своимъ знакомымъ, и въ церкви, и на лѣтнихъ гуляньяхъ въ Сокольникахъ—по пятницамъ и въ карабинерномъ лагерѣ—по воскресеньямъ.

По уставу 1835 г. лѣтнее вакаціонное время продолжалось въ университетахъ только съ 10-го іюня по 22-е іюля; но отъ брата моего Василя, который только-что перешелъ на III курсъ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, я уже зналъ, что лекціи начинаются обыкновенно не раньше начала сентября, а все время съ 22-го іюля идетъ на приемныя испытанія, которыя въ то время производились въ самомъ университетѣ для воспитанниковъ всѣхъ гимназій, кромѣ заслужившихъ успѣшностью своего преподаванія, какъ нашъ институтъ, права удостоивать своихъ абитуриентовъ приѣма въ университетъ безъ всякаго дальнѣйшаго экзамена.

Такимъ образомъ предо мною впервые открывалась перспектива вполне свободнаго времени въ цѣлыхъ почти три мѣсяца; но институтъ настолько приучилъ насъ къ непрерывному умственному труду и къ порядку въ этомъ отношеніи, что первымъ моимъ дѣломъ было составить планъ занятій на эти три мѣсяца. Относительно выбора факультета у меня ни минуты не было колебаній; я чувствовалъ рѣшительное призваніе къ историко-филологическимъ наукамъ и, слѣдовательно, къ поступленію на 1-е отдѣленіе философскаго факультета, переименованное еще въ бытность мою студентомъ въ историко-филологическій факультетъ, тогда какъ 2-е отдѣленіе философскаго факультета получило наименованіе факультета физико-математическаго. Согласно съ моимъ выборомъ и моимъ влеченіемъ я рѣшилъ употребить три лѣтніе мѣсяца на древніе и новые языки и составилъ для себя таблицу занятій по 4 часа въ день, по два часа въ одинъ день на чтеніе латинское и столько же на французское, а въ другой день по два же часа на греческое чтеніе и столько же на нѣмецкое. Программа эта не очень-то строго была мною исполняема: я сильно увлекался

чтеніемъ романовъ Жоржъ Зандъ, которыми меня снабжалъ товарищъ моего старшаго брата по институту и по факультету Петръ Михайловичъ Смоличъ, равно какъ и драмами Шиллера, и отъ этого сильно страдало чтеніе Саллюстія de conjuratione Catilinae въ связи съ рѣчами Цицерона противъ Катилины и чтеніе Илиады Гомера. Нерѣдко случалось такъ, что я не могъ оторваться отъ Жоржъ Зандъ, пока не прочитывалъ до конца всего начатаго романа, и тогда всѣ другія занятія отодвигались на задній планъ, и я, уже окончивъ романъ, старался наверстать отнятое у другихъ занятій время. Такая способность увлекаться произведеніями изящной словесности или, вѣрнѣе сказать, легкимъ чтеніемъ сохранилась у меня и по сію пору (73-й годъ жизни), и недавно еще почти я за одинъ присѣсть прочелъ „Өому Гордѣва“ Максима Горькаго.

Изъ романовъ Жоржъ Зандъ я прочелъ тогда: Valentine, Horace, Consuelo, изъ романовъ Дюма: Les trois mousquetaires, Vingt -ans après, La dame de Monsorgaux, а изъ Шиллера— Донъ Карлоса и Марію Стюартъ. Вскорѣ я пришелъ къ заключенію, что чтеніе французскихъ романовъ, даже и въ подлинникѣ, не есть серіозное занятіе, и пробовалъ перейти къ историческому чтенію на французскомъ языкѣ; но попалъ неудачно на Histoire de la civilisation en Europe par Guizot, которая по своему содержанію оказалась для меня чрезчуръ трудною при маломъ запасѣ фактическихъ знаній, какимъ насъ снабдилъ нашъ учитель Н. В. Смирновъ. П. М. Смоличъ часто навѣщалъ нашу семью и, будучи большимъ охотникомъ до чтенія и очень развитымъ молодымъ человѣкомъ, очень любилъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ моею старшею сестрой, и я принималъ все большее участіе въ ихъ литературныхъ бесѣдахъ; изъ своихъ же товарищей я изрѣдка видался съ Г. Д. Филимоновымъ, съ которымъ отъ времени до времени мы вмѣстѣ читали Илиаду Гомера.

Пока мы были въ институтѣ, родители мои весьма мало поощряли и скорѣе даже вовсе запрещали сближеніе наше съ товарищами, если сами не были знакомы съ ихъ родителями или родственниками. Они находили, что мы достаточно проводимъ съ ними времени въ институтѣ и что дома мы можемъ довольствоваться обществомъ своихъ братьевъ и сестеръ и никакого другого общества намъ не нужно; сближеніе же съ товарищами внѣ института могло бы быть, по ихъ мнѣнію, не безопасно для насъ во многихъ отношеніяхъ. Такъ какъ и въ институтѣ большая часть рекреационнаго времени уходила у

меня частью на греческій языкъ, а частью на приготовленіе къ урокамъ, при чемъ я съ книгою или съ тетрадью въ рукѣ гулялъ по залѣ или въ теплую пору года по двору, то ни съ кѣмъ изъ товарищей я и не былъ особенно близокъ. Когда мы перешли въ университетъ, родители нисколько не стѣсняли насъ въ пріемѣ у себя товарищей; но мы сами—по крайней мѣрѣ я—были въ этомъ отношеніи очень осторожны и осмотрительны: къ этому располагало насъ, кромѣ предостереженій и наставленій родителей, еще и то, что у насъ было очень мало карманныхъ денегъ. Родители въ то время мало баловали въ этомъ отношеніи своихъ дѣтей. И хорошо дѣлали: кончившій со мною вмѣстѣ въ институтѣ курсъ Рахманиновъ сгубилъ себя тѣмъ, что, имѣя много денегъ и будучи одинокъ въ Москвѣ, поселился въ дорогихъ меблированныхъ комнатахъ на Кузнецкомъ мосту, гдѣ сосѣдями его оказались французскіе актеры и актрисы, которые вовлекали его въ свою компанію, въ свои вечеринки съ ужинами, съ картами, съ пикниками, и Рахманиновъ, поступившій на физико-математическій факультетъ, сталъ все рѣже и рѣже посѣщать лекціи, а затѣмъ и вовсе исчезъ съ нашего горизонта. Онъ и меня чуть было не вовлекъ въ эту компанію, и я раза два былъ на его вечеринкахъ съ актерами и актрисами, но тотчасъ же почувствовалъ, что мнѣ тамъ вовсе не мѣсто, и старался всячески извлечь и его изъ этого общества. Онъ сознавалъ, что я совершенно правъ, каялся, собирался вырваться изъ этой среды и прежде всего переѣхать на другую квартиру и даже перейти въ другой университетъ, но, по безхарактерности, ничего не могъ сдѣлать. Кто знаетъ? Будь у меня порядочныя деньги, быть можетъ, и я увлекся бы этой компаніей, несомнѣнно очень веселою, забавною и даже изящною; но съ моими грошами мнѣ нечего было тамъ дѣлать. Впослѣдствіи я очень сошелся съ моими однокурсниками, но это было совсѣмъ на другой почвѣ, на почвѣ общихъ приготовленій къ экзаменамъ.

Кромѣ болѣе чѣмъ скромныхъ денежныхъ подарковъ на именины и на день рожденія, на Рождество и на Пасху, мы получали еще деньги на покупку необходимѣйшихъ книгъ и на мелкіе расходы, какъ-то: на извозчиковъ, на пищу въ тѣ дни, когда приходилось поздно возвращаться домой, и т. д., но на эти мелкіе расходы выдавалось заразъ не болѣе одного рубля, и въ употребленіи этого рубля требовался точный отчетъ, на покупку же книгъ выдавалось только то, что онѣ стоили, такъ что надобно было напередъ узнать ихъ цѣну.

Домъ нашъ отъ университета былъ на разстояніи трехъ четвертей часа довольно скорой ходьбы, и туда отецъ или самъ насъ довозилъ въ коляскѣ или же давалъ намъ лошадей; но оттуда въ хорошую погоду мы должны были возвращаться пѣшкомъ и только въ дурную погоду могли брать извозчика. Впрочемъ, намъ не запрещалось зарабатывать деньги уроками, съ тѣмъ чтобы мы сами себя экипировали и сами платили за свои книги и покрывали всѣ другіе наши расходы, и этимъ разрѣшеніемъ мы пользовались особенно въ лѣтнее вакаціонное время.

Таково было мое экономическое положеніе, какъ студента, при жизни отца. Къ этому надобно прибавить, что въ первый годъ я былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ старшимъ братомъ Василиемъ, а когда черезъ годъ и братъ Дмитрій окончилъ курсъ въ институтѣ и поступилъ на юридическій факультетъ, то намъ былъ отданъ для жительства надворный флигель въ одномъ зданіи съ кухней и съ одной стороны выходившій окнами въ садъ, а съ другой во дворъ прямо противъ кабинета отца, лѣтомъ же, коли не уѣзжали на уроки, мы жили въ обширной садовой бесѣдкѣ изъ трехъ комнатъ.

Наконецъ-то окончилась моя первая длинная лѣтняя вакація, и отецъ отвезъ меня съ братомъ Василиемъ въ университетъ. Вступилъ я въ него не безъ трепетнаго благоговѣнія, какъ въ святилище наукъ. Никакихъ формальностей при этомъ тогда не водилось, и только толстый швейцаръ Михайлъ осведомился, какого я курса и факультета, и сказалъ мнѣ: „Идите изъ шинельной направо корридоромъ и тамъ найдете помощника инспектора Дмитрія Ефимовича Зайковскаго: это и есть вашъ начальникъ, ему и представьтесь“. Дмитрій Ефимовичъ снабдилъ меня печатнымъ расписаніемъ лекцій, указалъ, что лекціи будутъ намъ читаться внизу въ малой словесной аудиторіи по тѣмъ предметамъ, которые мы слушаемъ вмѣстѣ съ юристами, а именно: по богословію, по русской словесности, по всеобщей и русской исторіи, по логикѣ и психологіи, по политической экономіи и статистикѣ, прибавивъ, что, впрочемъ, на I курсѣ мы будемъ слушать только первые три или четыре предмета, что лекціи я долженъ посѣщать какъ можно исправнѣе, что, впрочемъ, какъ медикъ, зная моего отца, онъ ждетъ отъ меня всего лучшаго. Онъ былъ со всѣми нами очень вѣжливъ и обходителенъ, и мы всѣ его очень любили и уважали, но не забывали, что онъ-то и есть нашъ начальникъ, какъ мнѣ то возвѣстилъ впервые швейцаръ Мишка—такъ его

звали студенты, несмотря на его высокій ростъ, большую добродность и многозначительность его фізіономіи. Въ то время начальство было начальствомъ, отъ подчиненныхъ требовало почтительности и безусловнаго повиновенія, и руки студентамъ не подавало и популярности между ними не искало. Дмитрія Ефимовича мы видѣли въ своихъ аудиторіяхъ и въ корридорахъ, возлѣ нихъ, ежедневно, и присутствіемъ его нисколько не стѣснялись; но при первой съ нимъ встрѣчѣ всегда вѣжливо съ нимъ раскланивались такъ же, какъ и уходя изъ университета, буде попадались ему на глаза. Въ его вѣдѣніи были студенты историко-филологическаго факультета во все время пребыванія моего въ университетѣ: насъ было немного, едва-ли когда болѣе 125 чел., и онъ, конечно, хорошо всѣхъ насъ зналъ въ лицо и по фамиліи. Между нами было не мало казенно-коштныхъ воспитанниковъ, которые готовились къ учительскому званію. Съ ними Дмитрію Ефимовичу больше приходилось имѣть дѣла, и они для насъ были своего рода руководителями, частью какъ люди, болѣе близкіе къ нашему субъ-инспектору и еще болѣе какъ проводники традицій, хранившихся въ средѣ казеннокоштныхъ студентовъ старшихъ курсовъ. Такъ, въ бесѣдѣ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ мы узнавали, какою славою пользуется каждый изъ нашихъ профессоровъ и какъ профессоръ, и какъ экзаменаторъ, что лекціи надобно по возможности записывать за каждымъ профессоромъ, такъ какъ иначе не по чему будетъ готовиться къ экзаменамъ, и что записанное надобно тотчасъ же исправлять и пополнять, считываясь съ другими записывающими товарищами, что при записываніи надобно гоняться не за словами, а за сущностью мысли, такъ какъ всѣхъ словъ не уловишь, а сущность мысли можно уловить и тутъ же записать, что записывать лучше чернилами, если не имѣешь въ виду составлять лекціи и переписывать ихъ начисто, что репетицій никто не дѣлаетъ кромѣ протоіерея Терновскаго, который передъ каждой лекціей дѣлаетъ перекличку и двоихъ или троихъ студентовъ непременно заставляеть повторять содержаніе предыдущей лекціи, что онъ читаетъ догматическое богословіе по напечатанному имъ курсу, что читаетъ онъ очень скучно и монотонно, въ носъ, и что поэтому къ нему неохотно ходятъ, но во время переклички оказываются всѣ на-лицо, отзываясь другъ за друга и нерѣдко даже отвѣчая за отсутствующихъ товарищей и т. п.

На первомъ курсѣ выдающимися профессорами у насъ были Тимоѳей Николаевичъ *Грановскій* и Степанъ Петровичъ *Шевыревъ*. Первый изъ нихъ прочелъ намъ историческій очеркъ развитія исторіи какъ науки, за тѣмъ исторію древняго Востока и исторію древнихъ грековъ до распадѣнія монархіи Александра Македонскаго, а на II курсѣ—всю римскую исторію и очень краткое обзорѣніе всего хода средневѣковой исторіи и заключилъ свои чтенія очеркомъ гуманизма въ Италіи и Германіи, остановившись нѣсколько подробнѣе на біографіи одного изъ представителей германскаго гуманизма Ульриха фонъ-Гуттена, который, умирая въ молодые годы отъ жестокой болѣзни, забывалъ свои страданія и радовался только торжеству гуманизма надъ схоластикой. Послѣдними его словами были: „Наука процвѣтаетъ, разумъ свободенъ, весело жить на свѣтѣ“. Аудиторія была такъ наэлектризована этою послѣднею въ 1846—1847 учебномъ году блестящею лекціей Грановскаго, что эти заключительныя слова ея вызвали громъ рукоплесканій, которыхъ долго не могли унять ни самъ Тимоѳей Николаевичъ, ни Д. Е. Зайковскій, ни даже самъ Платонъ Степановичъ Нахимовъ, инспекторъ и гроза студентовъ, котораго, впрочемъ, всѣ очень любили и уважали, рассказывая о немъ другъ другу тысячу забавныхъ анекдотовъ, но такихъ, въ которыхъ онъ выступалъ не только строгимъ блюстителемъ порядка, дисциплины и наружнаго благоприличія студентовъ, но вмѣстѣ и горячимъ ихъ защитникомъ во всѣхъ ихъ столкновѣніяхъ съ полиціей. Вбѣжавъ въ аудиторію въ своемъ обычномъ мундирѣ отставнаго моряка съ кортикомъ, онъ кричалъ, махая руками: „Господа! что вы дѣлаете? Вѣдь графъ Строгановъ здѣсь: вѣдь вы компрометируете вашего любимаго профессора“. Послѣднія слова тотчасъ же всѣхъ образумили, и рукоплесканія разомъ прекратились.

Грановскій былъ прежде всего историкъ-художникъ. Изъ громаднаго фактическаго матеріала онъ умѣлъ всегда выбрать черты, наиболѣе характеризующія данный періодъ времени, совершающіяся въ немъ событія и cadaго изъ отдѣльныхъ его дѣятелей и такъ сгруппировать ихъ между собою, что они производили на слушателей живое, цѣльное и художественное впечатлѣніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ художникомъ и слова, большимъ мастеромъ живого и образнаго изложенія. Кое-когда, какъ и въ упомянутой выше заключительной лекціи своей, онъ какъ бы искалъ эффектовъ; но вѣрнѣе сказать, онъ самъ

искренно воодушевлялся всѣмъ возвышеннымъ и благороднымъ, что встрѣчалось ему на протяженіи излагаемаго имъ того или другого отдѣла исторіи. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы о себѣ *mutatis mutandis* сказать то же, что Титъ Ливій: *ceterum mihi res antiquas scribenti nescio quo modo antiquus fit animus* (т.-е.: „впрочемъ, когда я пишу о древнихъ дѣлахъ, не знаю, какимъ образомъ я и самъ проникаюсь духомъ древности“). Грановскій былъ въ высшей степени способенъ проникаться духомъ тѣхъ великихъ временъ и событій, тѣхъ великихъ дѣятелей, о коихъ онъ повѣствовалъ намъ въ своихъ лекціяхъ. Вліяніе его лекцій на его слушателей не могло не быть благотворнымъ: они должны были становиться лучше, благороднѣе и возвышеннѣе въ своихъ помыслахъ и стремленіяхъ. Сверхъ того, лекціи его должны были пробуждать охоту къ дальнѣйшему изученію его предмета. Такъ, между прочимъ, было и со мною. Еще въ первомъ своемъ курсѣ Грановскій указывалъ намъ, какъ на важнѣйшее пособіе для изученія древней исторіи, на капитальное сочиненіе Шлоссера: *Universal-historische Uebersicht der Geschichte der alten Welt und ihrer Cultur*, и я взялъ его изъ университетской библіотеки еще въ первый годъ моего студенчества. Не могу сказать, чтобъ я подрядъ одолѣлъ все это многотомное сочиненіе; но я прочиталъ въ немъ тѣ отдѣлы, которые наиболѣе меня заинтересовали въ изложеніи Грановскаго, и тогда же пришелъ къ тому выводу, что весь матеріалъ для своихъ лекцій Грановскій почерпалъ изъ этого сочиненія и что его великая заслуга заключалась въ умѣнью черпать то, что нужно, художественно обрабатывать и мастерски излагать съ кафедры почерпнутое. Впослѣдствіи, въ личной бесѣдѣ съ Грановскимъ, вскорѣ послѣ его лекціи о Гуттенѣ, я позволилъ себѣ замѣтить, что римскую исторію онъ излагалъ съ гораздо большимъ сочувствіемъ и воодушевленіемъ. „Это совершенно вѣрно“, — отвѣчалъ онъ: „вся бѣда въ томъ, что греческаго языка я не знаю и потому не могу приходить въ непосредственное общеніе съ греческимъ духомъ, латинскіе же тексты мнѣ доступны“.

Лично я познакомился съ Грановскимъ по поводу его лекціи о Гуттенѣ лѣтомъ 1847 года: лекція эта такъ меня воодушевила, что я задумалъ заняться изученіемъ Гуттена и даже написать о немъ сочиненіе. Необходимо было получить указанія на источники и пособія; но Грановскаго застать дома было не легко, и попросить назначить время для пріема было не

черезъ кого. Наконецъ, я рѣшился самъ написать ему объ этомъ, отвѣта не получилъ, но въ слѣдующій мой приходъ былъ имъ принятъ очень любезно. Прежде всего онъ указалъ мнѣ на *Ranke-Geschichte Deutschlands im Zeitalter der Reformation* въ 5 томахъ, а затѣмъ на *Hagen-Literar-historische Verhältnisse Deutschlands im Zeitalter der Reformation*: „съ обоими этими сочиненіями, особенно же съ первымъ изъ нихъ будетъ вамъ во всякомъ случаѣ очень полезно поближе познакомиться. Затѣмъ въ университетской библіотекѣ имѣются сочиненія самого Гуттена въ 5 томахъ и приписываемый ему памфлетъ противъ схоластиковъ *Epistolae obscurorum virorum*“. Прочестъ все это, сдѣлать необходимыя извлеченія и заготовить матеріалы для будущаго сочиненія о Гуттенѣ, это онъ считалъ возможнымъ и не бесполезнымъ; но не былъ въ пользу того, чтобъ я теперь же принялся за сочиненіе о Гуттенѣ: тема эта и очень сложная, и трудная, и слишкомъ спеціальная: „прежде всего вамъ надобно ознакомиться со всею тогдашнею эпохой, а затѣмъ съ очень многосложною дѣятельностью и личностью самого Гуттена“. Тогда я не безъ смущенія сознался, что въ случаѣ удачи мнѣ хотѣлось бы напечатать мое сочиненіе въ какомъ-нибудь журналѣ и получить гонораръ, чтобъ этимъ поправить до нѣкоторой степени мои денежные дѣла, разстроенныя между прочимъ и неосторожною карточною игрою. Это было до нѣкоторой степени справедливо: старшій мой братъ Василій водилъ знакомство со многими гвардейскими офицерами, прикомандированными къ различнымъ управленіямъ въ Москвѣ, и они отъ времени до времени собирались у насъ во флигелѣ, и я бывалъ у нихъ и начиналъ по-немногу втягиваться въ азартныя игры и въ кутежъ. Тутъ же бывало и нѣсколько студентовъ-щегелей, большихъ танцоровъ и кутилъ, изъ которыхъ особенно помню одного Бруссе, какъ блестящаго молодого человѣка на всѣ руки, какимъ былъ въ сущности и братъ Василій.

Мое откровенное признаніе, какъ бы нечаянно у меня вырвавшееся, повидимому, нѣсколько покорило Грановскаго: оно было тѣмъ большею безтактностью съ моей стороны, что намъ, студентамъ, извѣстно было, что Грановскій велъ очень большую карточную игру въ Англійскомъ клубѣ и что изъ тысячи душъ, которыя будто бы достались ему отъ отца, у него уцѣлѣло по причинѣ этой игры лишь небольшое имѣніе. Онъ мнѣ сказалъ: „заниматься литературой или наукой ради денегъ—

дѣло очень плохое: деньги должны быть тутъ на самомъ послѣднемъ планѣ, иначе и занятія на ладъ не пойдутъ; гораздо лучше бросить карточную игру, и вамъ это гораздо легче, чѣмъ мнѣ; вы не могли еще такъ втянуться въ игру, какъ я, но и я все рѣже и рѣже теперь играю въ карты. Выигрываетъ, особенно въ азартныя игры, только тотъ, у кого больше денегъ и кто, слѣдовательно, больше можетъ рисковать. Да и при томъ у насъ кто богаче и знатнѣй, тотъ и рѣже платитъ свои долги даже карточные, тотъ и больше можетъ рисковать, и въ нашемъ высшемъ обществѣ, за немногими исключеніями, еще очень мало развито чувство чести“. Очевидно, что я неосторожно коснулся больного мѣста Грановскаго, и онъ высказалъ какъ бы невольно тѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ своимъ горькимъ личнымъ опытомъ. „Во всякомъ случаѣ“, заключилъ онъ, „я совѣтую вамъ не спѣшить выступать на поприще литературной и журнальной дѣятельности: ваша дѣятельность принадлежитъ будущему времени, а не настоящему; въ настоящее же время вы должны запастись умственнымъ капиталомъ на всю жизнь“. Я просилъ позволенія изрѣдка навѣщать его, и онъ сказалъ мнѣ, въ какіе дни и часы я легче могу застать его дома, прибавивъ, что онъ очень радъ будетъ слѣдить за ходомъ моей работы.

Работа эта, какъ и полагалъ Грановскій, не пошла далѣе извлеченій изъ такихъ капитальныхъ сочиненій, какъ Ранке и Гагенъ, по которымъ я составилъ себѣ очерки состоянія схоластики въ то время, католицизма предъ появленіемъ Лютера, гуманизма въ Германіи и главнѣйшихъ его тамъ представителей: Эразма, Рейхлина и Гуттена. Работа не пошла далѣе этого, между прочимъ, и потому, что въ моемъ положеніи произошли большія перемѣны: 6-го августа 1847 г. скончался внезапно мой отецъ, и это отразилось на моемъ здоровьи и на долго отвлекло меня отъ этихъ моихъ занятій.

Но я зашелъ слишкомъ далеко впередъ. Слушать Грановскаго и особенно записывать за нимъ было дѣло очень не легкое: у него былъ голосъ не столько даже тихій, сколько глухой и глубоко грудной, при нѣсколько шепелеватомъ произношеніи. Тѣ, которые сидѣли противъ его кафедры, хотя бы и на заднихъ скамьяхъ, еще могли довольно хорошо его слышать; но большая словесная аудиторія, въ которой мы его слушали вмѣстѣ съ юристами, была не столько глубокая, сколько широкая зала, вмѣщавшая, быть можетъ, болѣе 300 человекъ.

И вотъ вся эта масса старалась размѣститься на скамьяхъ передъ кафедрой, въ промежуткахъ между двумя рядами скамей, съ той и съ другой стороны на самой кафедрѣ, на ея ступенькахъ, и рядомъ съ профессоромъ по ту и другую сторону, вездѣ, гдѣ только возможно было записывать за нимъ: это была картина довольно оригинальная и съ тѣмъ вмѣстѣ довольно безпорядочная, а потому и смущавшая такого ревнителя порядка, какимъ былъ П. С. Нахимовъ; но ничего тутъ подѣлать было нельзя.

Сообщ. Левъ Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

